

Пока он смотрел на своё отражение на дымящейся поверхности воды в задумчивости, одежда резко натянулась. Валленштайн держал край его одежды. Как же так незаметно подойти и напугать?

— Раздевайся.

И как же так душераздирающе говорить?

— Ванна узкая, вместе будет трудно. Как насчёт того, чтобы Ваше Величество помылось сначала, а я потом?

— Не хочу.

Опять детские слова.

— Вместе.

А потом дёргает одежду тук-тук, мол, быстрее раздевайся - это же был ни больше ни меньше капризничавший ребёнок.

— Хорошо.

Тен отвернулся и стал раздеваться. Каждую вещь, снимая, аккуратно складывал в подготовленную корзину. Настолько, насколько тоньше становилась одежда, становилось зябко, и тяжесть взгляда, касающегося обнажённой спины, постепенно становилась отчётливее.

Наконец он полностью обнажился. То, что находилось в паху, на что он особо не обращал внимания, особенно сильно заявило о своём существовании. Тен глубоко вздохнул и взял себя в руки. Не нужно сложно думать. Сейчас он только служит Его Величеству. Тен, настроив себя на позицию преданного подданного, расправил грудь и обернулся.

— Ваше Величество?

Валленштайн держал перед собой большой и указательный пальцы, вытянутые вверх и вниз. Поза казалась знакомой, точно такая же, как у демона по отношению к Валленштайну. Действие измерения длины, используя руку как линейку.

— Что вы делаете?

— Большой.

Хотя пальцы были растянуты так сильно, что между ними натянулось пространство, крепкий взрослый мужчина не помещался в короткий промежуток между пальцами. Но маленькое-маленькое тело свободно вошло бы между длинными пальцами демона.

— Ты большой.

Тен рефлекторно проверил между своих ног и вздрогнул. Очнись. О чём сейчас думаешь! Его Величество не могло говорить об этом, глядя сюда.

Хотя он никогда нигде не комплексовал по этому поводу. Вид, сжавшийся от пронзительного холода, сегодня особенно выглядел непрезентабельно. Тен согнул колени, присел и раздел Валленштайна. Пепельные глаза молча наблюдали за руками, последовательно

расстёгивающими пуговицы рубашки.

— Перчатки не снимешь?

Тен понял, что упустил это, но сделав вид, что так и надо, ответил, что сделает это после того, как закончит. Тен, полностью раздевший Валленштайна, так же аккуратно сложил одежду, затем порылся в корзине и достал новые перчатки. Движения, с которыми он снимал старые перчатки и надевал новые, были быстрыми и умелыми. В любом случае он отвернулся, так что другому и не было видно. Но движения были скрытными, словно он прятался, чтобы случайно не раскрыли.

В итоге Валленштайн, видевший только новые перчатки Тена, молчал, как ошарашенный. Тонкие перчатки из мягкого материала вполне годились для ношения во время купания.

Теперь, не спрашивая ритуального разрешения, естественно подхватив Валленштайна, Тен вместе вошёл в ванну. Вода, нагретая до степени, когда казалось немного горячо, когда вошёл Валленштайн, мгновенно остыла. Приходилось постоянно добавлять жар до степени кипения, чтобы едва поддерживалась температура.

Как и говорилось заранее, ванна была бесконечно узкой, так что Тен даже не мог вытянуть ноги. По этой причине Валленштайн устроился на бёдрах Тена. Тен, сидя лицом к лицу, одной рукой обнимал талию Валленштайна, фиксируя, а другой рукой через мокрую перчатку растирал, словно моя, каждый уголок маленького тела от плеч до шеи и лица. Пока большая длинная рука мягко поглаживала холодные щёки, Валленштайн послушно оставался, позволяя Тену делать что угодно.

— Перчаток действительно... много.

— Да. Это так.

Когда же он проявлял это перед Его Величеством? На мгновение оглянулся назад, но ничего конкретного не вспомнилось. Однако, возможно, он так обыденно это проявлял, что ничего конкретного и не было. Хотя носил перчатки каждый день, никогда не надевал одни и те же подряд. Настолько разнообразны были виды и много было штук. Даже в путешествии, когда максимально облегчил багаж, одних перчаток было больше десятка видов.

— Неудобно?

— Привык, так что всё в порядке. Теперь скорее не носить перчатки было бы странно.

— Но думал, при мытье снимешь.

Почему так переживает о перчатках? Внезапно какая-то догадка промелькнула в голове. Не может быть, что захотел увидеть, как я снимаю перчатки, поэтому и предложил мыться вместе?

— Потому что Ваше Величество здесь. Когда моюсь один, снимаю.

— Я помешал?

— Нет. Дело не в этом.

Как объяснить, чтобы Его Величество не поняло неправильно? Пока размышлял, глядя на

потолок, густо усыпанный сосульками, похожими на сталактиты, Тен бессознательно продолжал поглаживать голову и щёки Валленштайна.

— Это из вежливости так получилось. Мои руки немного необычно выглядят, и многие пугаются.

Это было очень смягчённое выражение. Не просто немного необычно выглядят, а настолько отвратительны, что можно бояться увидеть во сне, и не просто многие пугаются, а все, кто видел, ужасались и сторонились. В детстве это было главным поводом для насмешек и издевательств, а повзрослев, стало объектом пересудов и сплетен.

Люди, которые каждый раз при виде вскрикивали, не уставая. Отвечать каждый раз на вопрос, как так получилось, тоже было утомительно, поэтому прятал под перчатками. Однако если носить перчатки каждый день в жарком Нэйве, неизбежно услышишь такие слова:

Не жарко? Насколько серьёзно, что так тщательно прячешь? Не буду дразнить.

Сними хоть раз.

— Не хочешь снимать?

— Что?

— Нет. Зря спросил.

Естественно, не хочет снимать, раз не снимает даже при мытье. Пробормотав, Валленштайн встал в воде.

— Впредь таких случаев не будет. Мойся один спокойно.

— По-подождите!

Схватил Валленштайна, который собирался выйти из ванны. Серые глаза, похожие на густые тучи, обернулись, словно спрашивая, что такое. Да уж. Почему я остановил Его Величество? Как вы и сказали, мыться одному было бы гораздо удобнее и телом, и душой.

— Если вам любопытно, покажу.

Хотя ни разу не предлагал первым по собственной инициативе.

— Не надо. Ты же не хочешь показывать.

— Дело не в этом. Как я и сказал, я прятал, потому что боялся, что люди, увидев мои руки, испугаются.

— Правда?

— Да.

Ложь.

— Если Ваше Величество не против, могу показать сколько угодно.

Но к собственному удивлению, ложь вышла слишком естественно.

Тен снял перчатку. Мокрая ткань прилипла к коже и не снималась, поэтому прикусил зубами кончики пальцев и стянул. Взгляд Валленштайна зафиксировался на обнажённой руке, которую видел впервые. Тен тоже заново осмотрел свою руку. Ожоговые раны, не успев зажить, снова травмировались и снова, гноились и лопались. Повторив это несколько раз, не осталось ни одного целого места от ногтей до кожи. Пятнистая плоть слиплась и съёжилась, ужасно обезображенная. Руки как у монстра. Настолько ужасные, что человек со слабым желудком сразу отвернётся.

Сожаление быстро нахлынуло. Зачем сказал, что покажет? Тен быстро погрузил руку в воду и спрятал. Белые маленькие руки рассекли воду и обхватили обезображенную руку.

— У твоего орла было слишком много энергии.

Удивительно, но Валленштайн по одним лишь следам ран понял причину. Было даже страшно, насколько он видит насквозь.

— Может, лучше не смотреть?

— Почему?

— Же уродливо.

Когда и хороших, и красивых вещей недостаточно, какой смысл смотреть на такое грязное и отвратительное? Когда Тен попытался вытащить руку, Валленштайн не удержал и отпустил. Если хочет показать – пусть показывает, если хочет спрятать – пусть прячет, оставлял как есть.

— Тот, кто разбушевался настолько, что довёл контрактёра до такого состояния, теперь тихий.

— С точки зрения Аквилы это был нежеланный контракт.

Тен защищал Аквилу, который изуродовал его руки. Не мог иначе. День, когда впервые увидел Аквилу, живо помнился даже сейчас, спустя больше десяти лет. Знойный жар, заполнивший почерневшее пространство. Связывающая магия, наложенная на круг призыва, и цепи, протянувшиеся оттуда. Хищная птица, которая, несмотря на то что туго обмотанные цепи были натянуты, сжимая её тело, невзирая на это, извергала гневное пламя.

В эпоху, когда общение с природными духами было запрещено, и все контракты должны были заключаться через официальные учреждения. Если послушать истории коллег-заклинателей, первые встречи у всех были похожи. Либо бушуют, либо даже лишены сил для этого и безвольно лежат. Это было естественно. Ведь все духи, которых они встречали, были загнаны и насильно приведены.

— Я говорю о сейчас.

— О сейчас?

— Да. Же послушный.

Пока старался справиться с бушующей Аквилой, сколько раз получал ожоги? Особенно серьёзной была рука, которой чаще всего пользовался. Независимо от усилий, ситуация не показывала признаков улучшения, и сотрудники открыто перешёптывались. Мол, хоть и из рода Камир и дали высшего качества, даже не может управлять как следует. В кармане всегда была мазь от ожогов, дни, когда постоянно носил с собой воду и бинты.

С какого момента было? Когда Аквила перестала ранить его. Когда стала следовать по его воле.

— Люди говорят, что духи капризны. На самом деле они крайне просты. Не знаю критериев добра и зла, которые они определили. И не нужно знать. Просто честны. Не нравится – не нравится, нравится – нравится.

Что же Он хочет сказать? Может, нужно честно признаться, что не понял сути, потому что слишком завуалированно сказано? Когда Тен мучительно размышлял, Валленштайн дал ответ.

— Твой орёл тебя очень-очень любит.

Как было раньше, не знает, но сейчас так. От слов Валленштайна в области сердца защекотало. Это не мнение обладателя степени магистра или доктора по специальности, не мнение специалиста из учреждения. Он услышал чистое утверждение от самого духа.

Чувства были необычными. Мол, много трудился до сих пор. Хорошо справлялся. Ощущение, будто получил одобрение и признание прошлой жизни. Глаза запекло, и Тен притянул и обнял Валленштайна. Чтобы тот не видел его лица. Крепко обнял.

— Ваше Величество сказало, что духи просты, но я всё равно плохо понимаю.

Голос немного сел, и Тен прокашлялся. Когда переобнял тело, похожее на ледяную глыбу, раздвинутые ноги обхватили талию Тена. Грудь, в которой не билось сердце, холодно соприкоснулась. Утыкаясь носом в особенно кудрявые от воды волосы, глубоко вдохнул аромат зимы. Сердце встрепенулось.

— Даже сейчас. Вместо страстно желаемых рук получила горшок с цветком, но была довольна. Мне трудно это понять.

— Ты знал, что она дух?

— Ваше Величество же сказали. Что в этих окрестностях обычный человек не может жить.

Если не человек, то дух. Наверное, из категории призраков. Учитывая слова демона, возможно, подданная, которая жила в зимней стране 300 лет назад.

— Это знаешь, а остальное почему...

— Что?

Попросил повторить, так как не слышал, но Его Величество покачало головой. Когда делал так в состоянии соприкосновения обнажёнными телами, ощущение трения щекотало. Хотя знал, что это не так, казалось, будто кокетничает.

Валленштайн, прислонившись лицом к плечу Тена, тук-тук постучал по ожерелью. Видимо, бросилось в глаза единственное украшение на обнажённом теле. Вспомнив порёк Квонтхо, мол, зачем взрослому мужчине неподходящее ожерелье, Тен первым объяснил.

— Это реликвия матери.

Рука, которая тук-тук трогала, остановилась. Взгляд Валленштайна, поднявшего голову, жгуче коснулся профиля.

— Не может быть.

— Это правда.

Назвал реликвию реликвией, а ему не поверили. Тен, который сталкивался только с двумя реакциями на ожерелье – либо соболезнавания, либо извинения, растерянно замялся.

— Знаешь, что это?

Валленштайн указал на водянистый драгоценный камень, вставленный в центр ожерелья.

— Осколок моря.

Ожерелье, любящее воду, хранило часть моря.

— Моря, которого теперь нет.

Хотя думал, что в ожерелье есть что-то необычное, не ожидал услышать столь конкретную историю. Кончик маленького пальца скользнул по поверхности, огранённой в водянистый цвет. Драгоценный камень ясно засиял, словно откликаясь на прикосновение.

— Тебе не повезло. Если бы носил это ожерелье, когда орёл бушевал, не получил бы ран.

Тен был искренне удивлён. И не думал, что в этом ожерелье заключена настолько великая сила. Могли возникнуть подозрения относительно происхождения.

— Ожерелье моя мать получила в качестве платы за то, что вылечила рану волка. Это волк, который рисует картины, недавно встретил его в саду и получил подтверждение.

— В саду? В здешнем саду?

— Да.

Интерес Тена был в отношениях между матерью и волком, а не в самом ожерелье. Поэтому и при недавней случайной встрече не спрашивал об ожерелье. Тен зачерпнул рукой воду и мягко полил на плечи и спину Валленштайна.

— Если вам любопытно, спрошу у волка, как он получил ожерелье. Если встречу, думаю, в следующий раз снова смогу встретиться.

— Не нужно. Понимаю, как всё было.

Волк и сад. Только по этим двум вещам через какой процесс и вычисления он пришёл к ответу? Тен, ничего не понимая, просто кивнул. Внезапно злое предположение промелькнуло в голове.

— Случайно это краденая вещь?

— А?

— Ожерелье. Если это краденая вещь, разве не нужно вернуть хозяину?

— Не надо. В любом случае умер.

Совершенно неожиданный ответ. Пока застыл в замешательстве, Валленштайн, словно говоря "продолжай", тук-тук постучал по предплечью Тена.

— Ты береги его.

Валленштайн глубоко уткнулся лицом в плечо Тена. В белоснежные, как снег, волосы несколько раз погрузилась мокрая рука Тена.

<http://bllate.org/book/14993/1421446>